

РУМЫНИЯ ЖДЕТ СОВЕТСКОЮ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ БРАТЬЯ!

Мария ВАНУШ,
румынская писательница

С беспредельной радостью встречает румынский народ Никиту Хрущева, посланца великого своего соседа и друга, строителя коммунизма. Когда мы, румыны, навстречу советским людям, братьям, когда говорим, что входим в единую семью народов социалистического мира, то вкладываем в эти слова глубокий смысл. Да, только братья связаны такими узами, как мы с вами. Только братья имеют подобную общность интересов, общность идеалов, такая присуща нашему свободному содружеству.

Да, мы братья, всегда готовые протянуть друг другу руку помощи.

Мы братья, и потому успехи одного радуют другого, как собственные его успехи.

Мы братья и делаем все возможное, чтобы люди всей планеты избавились от ужасов новой войны...

Мы от души радуемся, что сможем показать дорогим гостям все достижения нами за последние годы.

Мы покажем обновленные, сияющие города... Новые заводы и фабрики... Новые коллективные хозяйства и колхозы — подлинники фабрик верев, мяса и молока...

Мы покажем новые дома культуры, театры, красу парков и садов, аэрионы разных цветов и дали солнечных аллей.

И мы знаем, братья: все это наполнит гордостью сердца советских людей. Точно так же, как наполняет она наши сердца, когда вступаем мы на советскую землю.

Добро пожаловать, дорогие гости и братья! Отведаете наш хлеб-соль, наше янтарно-золотистое вино. Пусть поспеют солнышко и ветер над нашей чистой голубой землей, наша искренняя любовь.

БУХАРЕСТ, 15 июня. (По телефону)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СЪЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й № 71 (4504) Суббота, 16 июня 1962 г. Цена 4 коп.

ПОСЛАНЦЫ МИРА И ДРУЖБЫ

Аурел МИХАЛЕ,
румынский писатель,
главный редактор еженедельника
«Газета Литература»

Весте о предстоящем визите советской партийно-правительственной делегации обрадовалась вся трудящаяся родина. Коллективом фабрик и заводов, труженики полей, деятели культуры хотят приветствовать Никиту Сергеевича Хрущева, нашего великого друга и товарища.

Хорошо известно, что корни румыно-советской дружбы уходят в далекое прошлое наших народов. Эта дружба, одухотворенная ныне интернациональной пролетарской солидарностью, общностью идей социализма и коммунизма, стала прочнее гранита.

МЫ, РУМЫНЫ, ВДИМ В ВИЗИТЕ ПОСЛАНЦА МИРА И ДРУЖБЫ

Мы, румыны, вдим в визите посланца мира и дружбы, посланца первой социалистической строительной революции коммунистического общества, новое подтверждение силы той дружбы, торжества славы сотрудничества и взаимопонимания между народами.

С особой теплотой приветствуем мы на румынской земле Никиту Сергеевича Хрущева, большого и сердечного друга нашего народа, пламенного борца за дело мира и коммунизма.

Большой праздник пришел в города и села Румынии. Приезд великого гостя еще больше укрепит братские связи наших народов. Это хорошо понимают все, кому дорого благополучие человечества.

БУХАРЕСТ, 15 июня. (По телефону)

О КТЯБРЕ 1959 ГОДА

Место действия — северная часть Кольского полуострова.

Тусклый запольный день. Полуприветливый снегом бола. Огромные валуны показывают свои гладко отбеленные бока. Сплошная непроходимость, унылость. Ну как тут пробиться грузовиком, трактором, самоходным краном, — как!

Люди в кабине медленно летящего вертолета озабоченно вглядываются в пропавшую безобразия пейзаж. Им есть от чего прийти в отчаяние.

Они монотонно. Их механизированная колония в короткий срок поручено построить высокоскоростную линию электропередачи длиной в 47 километров. Дело как будто простое. Пробрать трассу, разметить места установок опор, отрыть котлованы, посадить в них сборные фундаменты, потом развезти рассчитанные на части опоры в размеченные места, тут же собрать их и установить. Затем натянуть провода и грозозащитные тросы. Все тщательно выверять и сдать в эксплуатацию. Схема проста. Но...

Три дня, крутые наметенные глыбы, озеро, река. Такова трасса. Далеко ли уйдет громадный, грунто ступающий по земле кран?

Видеть это содеяла — другая гусеничных тракторов, грузовиков, самоходных кранов, передвижных электростанций и других механизмов.

Можно разумеется, вдоль всей трассы вальнуть валуны гряд, топнуть в трясине шпалы камня, бить сваи, наводить мосты. Строить дорогу, которая бы выдержала тяжесть воздушных потоков. Выходит, чтобы подать на трассу и установить 160 опор, надо затратить год, два, а кто знает, сколько миллионов рублей!.. А как же тогда быть с заданным сроком?

И маленький «МН-4» беспокойно мечется по трассе. Туда-сюда, поднимается, садит. Пассажиры выскакивают, придираются ковыряются в грунте. Возвращаются обратно на базу и совещаются. День, второй, третий...

И однажды, взвизывая снег, невнятно над землей снова появляется вертолет. Он напряженно хлопотает вдоль будущей линии. Теперь он уже не разведчик. Теперь он переносит бригады рабочих, высказывая их в местах установки опор. Забыл об известном же, он опоясался специальным тросом и, подцепив им звенья опор, барабан с проводом или другой груз, отнесит в намеченные пункты.

За несколько недель, считая с перерывами на бурные и работая лишь в течение нескольких часов короткого дня, малосильный «МН-4» справился с необычной задачей. Он перенес не только основные грузы, людей, вспомогательные приспособления, продовольствие, но и поборовал силы на установке собранных опор. А в это время тяжелые тракторы и самоходные краны отдыхали на базе.

С помощью вовсе не приспособленного к таким эволюциям пассажирского «МН-4», благодаря сметке и смеельности энергостроителей, важная линия электропередачи впервые была завершена в рекордно короткий срок. Общались линия в десятках раз дешевле, чем если бы возводилась по сложной намеченной технологии.

- ### В ЭТУ СУББОТУ:
- Мысли об искусстве — Мартирос Сарьян
 - Что ответит министр?
 - К полемике «Человек и кибернетика» — В. Ермаков
 - Осторожно, сплетня! — В. Киселев

- Наши интервью: Ван Клиберн и Ван дер Пост
- Отырок из сценария — Эннио де Кончини, Джузеппе де Сантис, С. С. Смирнов
- Новости литературы и искусства
- Америка вблизи

Искусство не стареет

Я ЧАСТО думаю о том, что нет в искусстве прямого восхождения вверх. Мне представляется, что развитие искусства походит чем-то на путь в горах: оно преодолевает крутой подъем, то отходит в сторону, то чуть спускается, потом вновь поднимается, по пути нередко отбрасывая от себя неустойчивые камни и камешки. Но постоянно и неуклонно движется вперед, преодолевая одну вершину за другой. И не страшается от земли и человечества. Нет в истинном искусстве преодоления земного притяжения.

Сегодняшнее искусство, мне кажется, в чем-то повторяет монументальные обобщения египтян. Но простило ли это повторение? Соотнесенность изначального и современного в искусстве — очень сложное явление и сложный процесс. Наблюдая за этим процессом, убеждаешься в том, что не повторяют ни древние искусства, а поднимаем их на новую ступень, придавая новую силу и новую концепцию и эстетическую монументальность, и всем другим традициям всех времен, которые помогали человечеству осмысливать жизнь и делать ее лучше. Искусство и старо, и ново — это зависит от того, насколько сегодняшний человек обобщает в себе интеллектуальный и эстетический опыт человечества.

Вы, вероятно, спросите, почему я начинаю свой разговор именно с этого. Потому что иногда художнику кажется, что все созданное им рождается в каком-то ином, неведомом мире, и поэтому нет сегодня ничего ему подобного и ему равного. И мир, в котором рождается это искусство, и само это искусство беспрецедентны — так иногда кажется. А ведь если так, то это очень плохо. Такое искусство не может быть понято и оценено сегодняшним, живущим, существующим миром. Искусство создается человеком для человека. Нет искусства вне человечества. И быть не может. Это — бессмыслица, и она удел тех, кто утратил чувство земли, чувство жизни, чувство утренних зорь. И солнце не ридет их. Их опустошенные души проливают и солнце, и земля. Тот, кто поднимается над землей, чтоб восхититься ею и ею гордиться, чтоб лучше понять и постигнуть ее, — истинный художник. Нельзя назвать настоящим искусством и натурализм, ни разу в жизни не испытавший радость восхождения, чудо завоеванных высот.

Искусство не существует вне человека. Но где то в мире, уходящем во всю человечества, поджидатели войны пытаются осудить нашу землю на атомную смерть. Нет, человечество не позоляет, чтоб его же руками были уничтожены им же созданные вечные миры великих творцов, которыми обогащена и осмыслена наша жизнь. Художники должны быть бдительны. Они должны, подобно тонкочувствительным радиостанциям, настроившимся на все волны — от земли идущие волны, и ей же, этой земле, сообщать свои волны, землей рожденные и землей возвращенные. Но только уже на языке искусства. Художник не вправе ползать по поверхности, он должен, подобно радиостанции, стоять на земле основой своей и уходить в облака своей вершиной.

Говорят, наш век — век науки. Но неужели в истории человечества можно назвать век, который не был бы веком науки? Паровоз был таким же чудом для своего века, как для нашего — атомная энергия. Нет, и наука не была никогда вне науки и века искусства. И лишь их единство, их взаимосвязанность всегда рождала великие образы эпохи. Сегодня искусство — огромная сила, оно помогает науке совершать великие открытия.

Истинная наука — нечто подобное искусству, она таит в себе поэтическое возвышенность и служит человечеству. Она помогает человечеству создавать мир, рожденный в лучших мечтах искусства, и в этом смысле — это то же искусство.

Мы, художники, призваны напоминать людям о связи с жизнью, с землей, и потому паутину наша задача быть богатыми и разными красками, талантами, чтобы им верили. А верить можно только в истинное искусство. Искусство в каком-то смысле, мне кажется, — жертвоприношение. Каждый художник приносит жертву во имя человеческого счастья.

Истинные художники интересны своей неповторимостью. Они не могут быть однотипны и однообразны, потому что искусство противопоставлено массовое изготовление. Понятно, что и каждый народ, его духовный склад. А это создает и неповторимые национальные искусство, русское искусство, армянское искусство, французское искусство, грузинское искусство, немецкое искусство, английское искусство,

итальянское искусство, японское искусство и т. д. Эти искусства обогащают мир. Национальные искусства — алмазные копи человеческого, человеческого искусства. Чем многообразнее эти копи, тем ценнее алмазы искусства человечества. Многообразие, многоформность — его богатство. Это богатство рождает и близость людей, искусств, стран, народов. Близость — не уподобление, уподобление — утрата близости, ее уничтожение. Вот почему нам нужно не уподобление, а единение и взаимообогащение. Пусть будут искусства хорошие и разные. Единобразие искусства утомляет, рождает равнодушие, а равнодушие способствует рождению злых сил, разрушающих и человечество, и человека. Мы, художники, как и представители других искусств, призваны воспитывать человека на примерах прекрасного и возвышенного. Мы ответственные за будущее и севдущее искусство, а потому сделаем прекраснее мир наш и нашу землю — и для жизни на ней, и для дерзновенных полетов в космос. Ведь искусство — вечный спутник жизни. И путь, несомненно безвзвешен и в музее, и в парках, и на дорогах — на всех дорогах.

У нас много художников. И это разные, непохожие друг на друга художники. Мне кажется, современность художника — это его художнический мир и мера искренности. Именно искренность

ГДЕ ЖЕ ОН, КРЫЛАТЫЙ ПОМОЩНИК?

Вопрос министру
И. Т. Новикову

коф преградил, и производит ежедневно в среднем едва 1 километр готовой линии. За год это примерно двести километров. Немного, скажем прямо.

В 1965 году надо построить почти сто тысяч километров линий электропередачи. В последующие годы цифры будут удваиваться и утраиваться. Ничего удивительного, количество вырабатываемой электроэнергии в 1965 году — 520 миллиардов киловатт-часов — к концу двадцатилетия возрастет почти в 6 раз. И уже в 1965 году потребуются 500 миллионов киловатт-часов, неповоротливых, недостаточно производительных. А что же будет дальше?

Вот почему многие энергостроители резонно спрашивают: правильно ли проблему резкого умножения объема сетевого строительства решать простым увеличением количества мехколонн? Не лучше ли избрать иной путь: чтобы те же 500 человек, занятых в мехколонне, давали в десять раз больше? Это соответствует требованиям, записанным в Программе партии.

В самом деле, во всех отраслях промышленности внедряется автоматизация, целые цеха и заводы управляются наладочными киноплом. А в строительстве линий электропередачи все остается, как и пять лет назад. Есть мехколонны — их толка. Они ведь и так все механизированы, чего же больше?

ГДЕ ЖЕ ОН, КРЫЛАТЫЙ ПОМОЩНИК?

И ТАК, предлагается коренное перевооружение на новой морально-технической основе? Да, и который прямо просит стать основным ядром в мехколонне нового типа. Вернее попробовать не только за рубежом, но и у нас. В ряде стран, кстати, крылатый монтажник (такой его называют «небесным кроком») уже 14 лет не улетает с трасс электропередачи, потому что предпринимателям дает четверные прибыли.

Что и говорить, коренное перевооружение — процесс болезненный. Так что же, это — болезнь роста, ее можно и должно преодолеть нам, заинтересованным в наискорейшем создании материально-технической базы коммунизма.

Теперь оценим, хотя бы в главных чертах, основные «за» и «против» вертолета. Мы нарочно подробно остановились на одном примере в самом начале обзор сравнительных цифр на ряде показателей: подъем и установка опор — за три-пять минут вместо нескольких часов; делает это один вертолет вместо целой группы тракторов, «падающих» стел и т. д. Или: устанавливает 60 опор за 8 часов вместо двух месяцев. Количество часов-дней на 1 километр линии уменьшается в 30 — 50

Искусство не стареет. Оно постоянно и неуклонно движется вперед, преодолевая одну вершину за другой. И не страшается от земли и человечества. Нет в истинном искусстве преодоления земного притяжения.

Искусство не существует вне человека. Но где то в мире, уходящем во всю человечества, поджидатели войны пытаются осудить нашу землю на атомную смерть. Нет, человечество не позоляет, чтоб его же руками были уничтожены им же созданные вечные миры великих творцов, которыми обогащена и осмыслена наша жизнь.

Грузия принимает друзей

Сегодня в Тбилиси, в Театре оперы и балета имени Палиашвили, состоится большой вечер, посвященный началу Десятилетия русской поэзии в Грузии.

Вчера грузинские писатели встречали дорогих гостей. Для участия в вечере приехали А. Сурков, В. Ветер, С. Васильев, Е. Долматовский, Н. Дорно, Ю. Морич, А. Мажиров, Н. Рыленков, В. Солуякин, А. Тарковский, И. Фомин, О. Шестинский.

Кроме Тбилиси, русские писатели побывали в городах металлургов Рустави, где они выступили перед рабочими прямо в цехах. Затем русские грузинские поэты выедут в Батуми, Сухуми, Кутаиси, Талави и другие города и районные центры. Гости встретятся с рабочими: сельского хозяйства, учениками, студентами.

Республиканские издательства перевели и выпустили в эти дни сборники стихов русских поэтов.

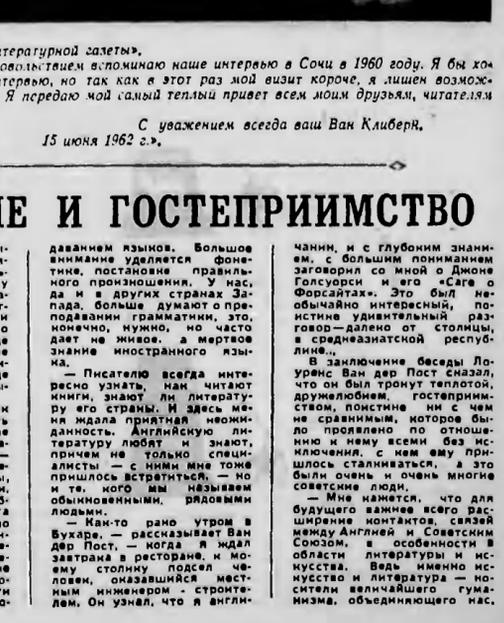
Десятилетие русской поэзии — крупнейшее событие в культурной жизни республики.

Искусство не стареет

Искусство не стареет. Оно постоянно и неуклонно движется вперед, преодолевая одну вершину за другой. И не страшается от земли и человечества. Нет в истинном искусстве преодоления земного притяжения.

Искусство не стареет

Искусство не стареет. Оно постоянно и неуклонно движется вперед, преодолевая одну вершину за другой. И не страшается от земли и человечества. Нет в истинном искусстве преодоления земного притяжения.

Эти фотографии Мартироса Сарьяна мы начинаем публикацию серии фотографий о выдающихся деятелях советской науки, литературы и искусства. Фото М. Тухманова

Очерк американский ядерный взрыв на Тихом океане. Снимок из журнала «Лондон иллюстрирует нысь».

Ирина ВОЛОБУЕВА

Троза над островом

Сын — солдат. Он собрался, не мешкая. Дни побывки прошли. С огорчением

Я костюм его бережно вешаю. Прячу туфли до дня возвращения.

Я гляжу ему вслед... А над островом. С очень добрым и мирным названием. Друг взорвался гроза смертоносная. Как предельного зла испытание.

И под облаком пыльным и знойным. Океан замесился, как дикий. Нет, не мог он остаться спокойным. Будь хоть трижды Великим и Тихим.

Но я вижу не пенные волны. Мне сдается — вдали, за огнями.

Эшелоны идут. Эшелоны. С невернувшимися сыновьями.

По планете, где травы и росы. По путям, где бурны и слякоть. И по рослым сынам, и не рослым. Черноглазым и светловолосым. Матерям одинаково плакать.

Но в ответ прогремевшему грому. Мир наш, преданный долгу святому. Войны дерзят руками стальными. Чтоб сыны, везучая из дому. К матерям возвращались живыми.

МЫ ШЛИ НА ВОСТОК

(Описание. Начало на 3-й стр.)

— Эй, русский, помоги мне ради бога! Это — раненый солдат, лежащий на снегу и сам белый, как снег. Габриэлли подползает. — Эй, русский сынчик, — говорит раненый. — Помоги. — Свинья ты и твои мать, — говорит Габриэлли. — А я больше итальянец, чем ты. — Да, но ты — римлянин! — возмущается раненый. — Ради бога, помоги мне! Я ранен и обморочен. Габриэлли расправляет его штаны, обнажая поперекшую ногу. Раненый морщится и сводит зубы ругается. — Ах ты римский сукин сын! Чтобы заставить его замолчать, Габриэлли свистит в рот раненому сигарету, а сам читает рапорт краем рубашки. Потом он тоже замолкает и решительно говорит: — Прощай, я ухожу! Раненый испуганно смотрит на него. — Ты не можешь уйти, — вскрикивает он. — Ты должен взять меня. Ведь ты военный брат, что говорим на одном языке.

— Да, все это правильно, — подтверждает Габриэлли. — Итальянец, да же кровь, братство и прочее. Но было бы лучше идти вместе, если один ранен, а другой еще держится на ногах. Я потеряю последние силы, и через два дня мы оба подохнем. Ты должен понять — мне лучше идти одному. — Нисколько не лучше, — говорит раненый. Он начинает плавать, умоляет, надеясь вывалить у Габриэлли жалость. Габриэлли вытаскивает последние сигареты. Их осталось три. Он кладет две около раненого. — Вот... могу оставить. Еды нет. — Уходи! — это говорит раненый. — Иди и сдохни в Италии. — И прибавляет: — Но если дойдешь и увидишь там прохвостов, которые нас послали сюда, — плачь им в рожку за меня! Габриэлли еще не решаете уйти. — Убирайся ко всем чертам! — кричит раненый. Габриэлли уходит быстрым шагом, не оглядываясь. — Повесть их всех! — кричит вдогонку раненый. — Кастрируй их, этих жеребцов! Сдери с них шкуру, товарищ!

Габриэлли идет по дороге. Холодный ветер жжет и рединет, пронося в дыры ветхой, изодранной шинели. Вдали движется одинокая фигура Габриэлли, выходящаяся, прикрывая рукой слезящиеся глаза. Это старик крестьянин с палкой в руках. Габриэлли прибавляет шаг. Старик подбегает впереворот, и заметив Габриэлли, сохрипявшись, всматривается. — Добрый день! — говорит он, вставая. — Эти... пит... — нетерпеливо твердит Габриэлли. — Нету, пан! — разводит руками старик. — Там, в деревне есть, — показывает он на холмы. — Тут недалеко километра два будет. Идем — покорю малость. Он знаком приглашает Габриэлли следовать за ним. И Габриэлли идет, — его толкает голод. — Идем, идем, пан. Пошли, — говорит старик, оборачиваясь. У него седая борода и лохматые белые брови, но он, видно, еще крепок. На голове у старика белая шапка с вылезшим мехом, а на плечах не новый, но добротный овчинный полушубок. Холодно. Мороз пробирает до костей, Габриэлли пристально смотрит на полушубок. В нем должно быть тепло. Габриэлли оглядывается. Он идет лоджиной вокруг никого нет. Рука Габриэлли залезает под шинель, там на поясе — кинжал. — Скоро придет! — улыбается, оборачиваясь старик. Но как только он снова отвернулся, Габриэлли вынимает из кинжала, с одним прыжком догнав старика, с силой ударяет его в спину. Охнув, старик падает ничком. Диким, затравленным взглядом Габриэлли смотрит во круг. Потом торопливо кидается к старнику, стаскивает с него кожу, Старик мертв. И вдруг страх охватывает Габриэлли. Сейчас кто-нибудь дойдет на дороге, увидит, что он сделал, и его схватят, расстреляют, повесят. Он хватается за кожу и, задышав бежит назад. Забегает в кустарник, что в стороне от дороги и поспешно надевает кожу, а свою шинель закидывает в снег.

По приглашению Совета взрослых молодежи Америки в США выезжала советская молодежная делегация в составе Келлера, Советской Лоты побывали на юге и на севере страны, посетили города на западе и востоке, встречались со студентами ряда университетов Америки, участвовали в дискуссиях. Сегодня мы публикуем очерк члена делегации Альберта Беляева.

«И» ВНИНГ-ПАРТИ» — причина американская вещь.

ринка. Много шума и сема, чуть поменьше — виски и вина и совсем немножко — закуски. На таком «внинг-парти» мы побывали в Вашингтоне на квартире у Шейлы. Соборалось человек 25 юношей и девушек, служащих разных ведомств и учреждений. В маленькой кухонной комнате навалили себе по стакану виски и содовой, закурили сигареты и возвращались в большую комнату Отдыхавшая из стакана, они вступали с нами в разговор. Расспрашивали обо всем. Начиная от принципов коммунизма и кончая позицией Советского Союза в берлинском вопросе. Вступали в спор. Но когда узнавали факты, которые американская печать обычно замалчивает или представляет в искаженном виде, начинали разговаривать. Иные признавали нашу правоту, другие отходили в сторону.

В тот вечер я долго беседовал с Керри — студентом министерства здравоохранения, здравоохранения и социального обеспечения США. Разговор шел в литературе. Керри много читает, знает выдающиеся романы американских писателей прошлого. Но вот я спросил ее, каких она знает советских писателей. — О советских... Я читала Достоевского, Чехова, Льва Толстого... Кажется, и все. Я восхищалась их книгами... Но эта великие русские писатели прошлого. А я спрашиваю о советских, современных. Керри отрицательно покачала головой. — А Шолохова? — Нет, к сожалению не знаю. Я расспрашивала и других участников ввнинг-парти. Никто не читал книг советских писателей. А ведь тут собраны образованные люди. Позднее мы убедились, как американская молодежь, как правило, знает лишь некоторых русских писателей дореволюционной поры. Редко

кто знаком с творчеством Горького, Маяковского, Шолохова, Федина, Леонова. Да, трудно следить американцу за развитием советской литературы. В школах, во многих колледжах и университетах советская литература не предусмотрена программой. Есть курс русской литературы, охватывающий период до 1917 года. Что же касается советской литературы, то ее «закрыли». Правда, в последние годы появились переводы книг некоторых советских писателей, различные «антологии» советской поэзии, драмы, короткого рассказа и т. п. Но, как правило, им предшествуют злобные антисоветские предисловия, клеветнические комментарии. Да и сами антологии не отражают подлинной картины советской литературы. В Чикагском университете студентка Лиззи Х. с горечью рассказывала нам: — Мне стыдно говорить об этом, но с самого детства нам стремятся привить

ненависть к слову «коммунизм». Используют все средства, чтобы изобразить коммунизм и Советский Союз как зловещий враг США. Национальный совет американско-советской дружбы считается прокоммунистическим, и люди боятся иметь с ним дело, чтобы не попасть под подозрение. Это кошмарно, по-прежнему, но это так. Лиззи мы попросили устроить нам встречу с членами Института американско-советской дружбы. Совершенно случайно нас Сюзанна всю ночь связывалась с Нью-Йорком, а утром заявила: — Я звонила в Совет взрослых молодежи. После коллективного обсуждения мы пришли к выводу: организовать такую встречу невозможно. — Почему? — искренне удивились мы. Сюзанна долго путала вокруг да около, а потом выложила нам такую историю. Потому что институт занесен в списки подпольных организаций...

Во время поездки по стране мы посетили несколько средних школ. В Оклахома-Сити и в Сан-Франциско побывали в «русских классах», то есть классах, где изучают русский язык. Видели учебники по языку, истории, географии, политическому устройству СССР. Учебник географии СССР, к примеру, написан англоязычным Шлоповым. Он издан в середине пятидесятых годов. Когда мы раскрыли его, то были поражены. Судите, читатель, сами. На одной из иллюстраций усталые женщины в грязной и рваной одежде жмут серпами пшеницу. Подпись: «Колхозная жатка на Украине». На другой иллюстрации показан центр Москвы. Но проспекту Карла Маркса движется трамвай (!). Только старыми, когда по Охотному ряду ходили трамваи. А ведь все это выдается автором учебника за сегодняшний день!

Три офицера шагают по снежной дороге. Аппарат приключается к ним, и мы узнаем лейтенанта Жукова, который плетется у ног, чтобы получить свое страшное письмо. Дорога другая — тоже знакомые нам его товарищи. Дорога поворачивает, открывая взгляду глубоководную долину. Впереди в двухстах трехстах метрах навстречу действующим движется странная фигура человека в овчинном полушубке с ногами, обмотанными тряпьем, и в шерстяном шлеме. Это Габриэлли. Он замечает русских и останавливается. Бежать некогда — впереди открытое поле, и первая же пуля догонит его. Лейтенанты тоже остановились, разглядывая путника. — Немец! — говорит один. — Ясное дело — бездельный фриц! Только полушубок наш. Небокс, штаны в деревне. Жуков вдруг передает товарищу свою пистолетку. — Держи, — говорит он. — Я этого гада сам пристрелю. Не могу, ребята, душа болит. Хоть одного за моих четверых!

Жуков отделяется от товарищей, и достая пистолет, идет к Габриэлли. А тот стоит неподвижно, бессильно опустив руки, молча глядя на русского. Он понимает, что это идет к нему смерть. Жуков вдруг останавливается, и держа в опущенной руке пистолет, делает другой рукой повелительный жест. — А куда, иди сюда, фашистская сволочь! Иди! Ком мир! И Габриэлли, словно во сне, вполза по снегу тяжелые, затоптанные ботинками ноги, не сдвигая глаз с русского, по-прежнему идет к нему. С каждым шагом безнадзорное, тупое отчаяние охватывает итальянца. Ноги тяжелеют, и он останавливается. — Иди! Иди! — властно звучит голос лейтенанта. — Ком! Итальян, погнурившись, втянувший голову в плечи, Габриэлли движется, повиновшись этому голосу, с напряженной медлительностью побитой собаки, подползая ближе к руке хозяина. И в глазах его — собачье, полное немой мольбы, выражение. Они бессмысленно кричат, молят о жизни, его глаза. Как бы толчками, то останавливаясь, то снова вполза неслухными ногами, Габриэлли подползает к лейтенанту и обреченно замирает в нескольких шагах от него. И вдруг скрюченными пальцами летит в карман полушубка и вытаскивает губную гармошку. Так же умоляюще и подобострастно глядя на русского, он подносит гармошку к губам и начинает играть «Интернационал».

«Интернационал» играет? — сводит зубы зло говорит Жуков. — Коммунистом сразу стал, гитлеровская гадина! — Нет, Гитлер... Нет! — говорит Габриэлли. — Итальяно. — Ты ты итальянец? — удивленно спрашивает Жуков. — Да, да, итальянец, из Рима, — поспешно подтверждает Габриэлли. — Нет фашист! Нет Муссолини! Работать! Жуков пристально смотрит на него. — Вамбин! — вдруг говорит Габриэлли. — Ребенок. Он с трудом проясняет скрюченные пальцы под полушубок и долго роется там. Вынув карточку, ту самую, что дал ему Санца, протягивает ее лейтенанту. — Санца, Франческо, Сардиния, — читает вслух Жуков. Он поворачивает фотографию и смотрит на жеманную Санцу и трех мальчиков, может быть, таких же, какие были у него. Ничего отдал фото, и в лице его уже нет ненависти, презрения, а только большое человеческое сострадание. — Что тебе эта итальянка? — вдруг спрашивает он. — Голден! Или, может, захуришь? Это последнее слово Габриэлли понимает. — Курить. Курить. Да — кинает он. Жуков достает портсигар и, открыв, протягивает Габриэлли. Там махорка и куски газеты. Но пальцы Габриэлли скрючены, сведены морозом, и он никак не может ухватить бумажку. Жуков берет в кобур пистолет, сам насыпает в бумажку махорку, скручивает, заливает саморучку и, вставив ее в рот Габриэлли, чиркает спичкой. Габриэлли загибается и судорожно кашляет от едкого дыма. — Иди! — машет ему рукой Жуков. — Иди туда, в плен! Иди скорее, раз уж тебе остало! И Габриэлли с саморучкой в зубах поспешно идет прочь, несколько раз оглядываясь. — Не делай ли ему в спину? Товарищи подходят к Жукову, задумчиво стоящему на дороге. — Что же ты? — спрашивает один. — Пожалел? — Не могу, ребята! — говорит Жуков. — Пошли! Лейтенанты продолжают путь. Габриэлли исчезает за холмами.

Мы уже не говорим о дикой клевете на политическое устройство советского общества.

САН-ФРАНСИСКО. Сил-рок — знаменитые тюленьи скалы. Когда-то Джек Лондон ловил в бухте Сан-Франциско устриц, кулался, загорал, мечтал о море. Джек Лондон... Кто из нас не читал его полные романтики и любви к мужественным людям книги? Только напрасно пытаться заговорить о Джеке Лондоне с молодым американцем. Джека Лондона на его родине почти не знают. Он «устарел» для Америки, романтика здесь сегодня не в почете. Так называемое среднее американство просто некогда грешить открытиями неведомого, мечтать о чем-то далеком, влекущем. Он делает деньги. В этом — его романтика, его грезы.

Где-то неподалеку от Сан-Франциско расположена и Луния долина с ее знаменитым Домом Волка, несостроенным его хозяином. В Луний долине похоронена урна с прахом писателя. Говорят, земля в долине вместе с руинами Дома Волка давно продана какому-то фермеру. Ни музея, ни чего-либо другого, кроме маленького холмика на могиле. Не знаю, верю ли это, нам не удалось побывать в долине. Советских людей туда не пускают: запретная зона...

Нас принял мэр Сан-Франциско Джордж Кристофер. Высокий и статный, энергичный Джордж Кристофер был очень радушен. Он тепло вспоминал о поездке в Советский Союз, о встречах с Никитой Сергеевичем Хрущевым в Сан-Франциско и в Москве. — Я был в ваших школах, — рассказывал мэр. — И должен сказать, восхищен советской системой образования, советскими школьниками. Вельские, великие и... вспоминал мэр, улыбаясь, — начитанные. Это хорошо. Разговор шел об Америке. Мы открыто говорили о том, что нам понравилось и о том, чего не могли одобрить. Мы сказали мэру, что нас поразило обилие в США фашистской литературы.

Мэр развел руками. — Ну, знаете, это свобода печати. Кто что хочет, то и издает. Доллары, рожают доллары. — Только ли доллары? Везде — в аэропортах, в книжных лавках, в киосках мы видели мемуары гитлеровских генералов, книги о Гитлере и о «героических делах» войск СС. И все они написаны в таком духе, словно бытые генералы идут у американского народа сочувствия, оправдываются перед ним за свое поражение. — Что ж, у нас свободная страна, свободное обращение книг. Мы хотим, чтобы народ мог читать все и обо всем, составлял собственное мнение, в том числе и о фашизме.

— Если так, то почему эта свобода столь односторонняя? Почему ваш народ имеет возможность читать мемуары нацистов, а с другой стороны советских генералов о второй мировой войне, когда мы сражались против германского фашизма бок о бок с американским народом, в США не публикуются? О нашей совместной борьбе с нацистами мы книг не видели. Или кое-кто в Америке считает, что об этом не следует вспоминать? Мы в нашей стране перевели на русский язык и издали мемуары нескольких американских генералов, такие как «Записки солдата» генерала Вридли, мемуары генерала Риджуэя и другие. Почему вы боитесь сделать подобное же? Разве американскому народу не интересно узнать правду о великом подвиге советского народа в войне?

— Мы не любим пропаганду — это не пропаганда! А книги о Гитлере, изобразившем «великой личностью», — это не пропаганда! — В какой-то мере да, но... но мы ведь и марксистские книги издаем.

Буржуазные социологи утверждают, что молодежь Америки проявляет равнодушие к политике и общественной деятельности. Да, это действительно так, если говорить об общественной политике правящих кругов Америки, политике подготовки войны, наступления на последние остатки демократии и свободы. Но в то же время, как говорил об этом один из руководящих деятелей компартии США Гас Холл, в Америке появилось новое поколение американцев, которое начинает задавать вопросы и ставить под сомнение очень много. Молодое поколение американцев проявляет огромный интерес к новому, стремится узнать правду о коммунизме.

Бостон — город весьма религиозный. Может, именно поэтому мы чаще всего встречались здесь с религиозными деятелями и духовными лидерами молодежи. В полудне с высокой мятой травой, видят родную деревню, домики, белеющие сквозь густую зелень садов, длинный ряд темных пней вдоль дорог, уходящей в горизонт. Виднеется, склонившиеся над со зреющей гроздью в маленьком винограднике, слышит родной голос. Либерал Либонетти, сын Иди же сюда, родной мой мальчик! Габриэлли чувствует, как ее нежная рука ласково ерошит его волосы, невзначайное блаженство давно забытого детского счастья охватывает его. Он видит себя на Пинчо с высокой красивой девушкой. Обняв ее за плечи, прижимая к себе, чувствуя на лице прядь ее волос, он стоит в густой и веселой толпе римлян у перил террасы, над обрывом. А внизу играет, переливается огнями, оживленно гудит и шумит Рим. Он видит себя в спортивной майке, в трусах, идущего выходящей походкой на соревнованиях по спортивной ходьбе. Его мускулы напряжены до предела, и веселое ликование победы кипит в груди. Габриэлли обогнал всех, он впереди, совсем немного остается до ленточки финиша. Шумная толпа ревет по обе стороны дороги, повторяя его имя: — Габ-ри-элли! Габ-ри-элли!

И вот он ревет гудящую ленточку финиша, к победителю кидаются люди, обступают со всех сторон; сверкает ослепительные магнеты вспыхивают фотоаппараты; он вдыхает пряные ароматы букетов, которые отсыдают ему эмузители, и чувствует на плечах десятки дружеских рук. И гордое счастье победы, силы, молодости и здоровья наполняет его душу. Заросшее черной шпателью лицо Габриэлли озарено неподвижной улыбкой. Снежинки ложатся на его губы и уже не тают.

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ. Редакционная коллегия: Ю. Я. БАРАБАН (зам. главного редактора), В. Н. БОЛДОВИТОНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИНА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, В. С. МЕЛВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, О. Н. ПРУДКОВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОВЬИХИНА, Е. Д. СУРКОВ, Ю. И. СУРОВИЧ, А. С. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР (Москва, Тверской бульвар, 25) объявляет конкурс на замещение вакантной должности доцента кафедры литературного мастерства. В конкурсе имеют право принять участие члены Союза писателей, обладающие большим педагогическим опытом по руководству творческими семинарами. Срок конкурса — 1 месяц со дня опубликования объявления.

Литературная газета выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4 04 82, отделы: русской литературы — В 8 99 33, искусства — В 1 11 68. Литературный отдел: СССР — В 6 59 17, внутренней связи — К 4 03 48, международной связи — К 4 03 48, зарубежной литературы и искусства — К 4 04 26, информации — К 4 08 68, писем — В 1 15 23, издательства — В 1 11 68. Коммунальщик — К 5 00 00. Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.